

**Universal Nature of Symbols as
the Background of European Identity
(on the Material of English and Ukrainian Phraseological Units)**

Olga Zhurkova¹

Abstract: The problem of the symbol belongs simultaneously to the wide range of linguistic, philosophical, cultural and psychological issues. It is related to understanding the nature of language, more precisely to the problem of understanding as a process. Underlying motivation of phraseological units includes means indirectly related to the images of reinterpretation. One such means is symbolization. Universal standardization of images, including symbols or icons of worldview – is the result of the collective perception of the linguistic and cultural society of a particular experience.

Keywords: phraseological unit; symbol; code; sign; archetype; national and cultural specificity; language model of the world

Проблема символизации принадлежит одновременно кругу философских, культурологических и лингвистических проблем, она связана с пониманием природы языка. Представители различных школ, как в философии, так и в лингвистике занимались этой проблематикой. В ряде фундаментальных работ к исследованию символики обращались Ю. Апресян, А. Вежбицкая, Ю. Гвоздарев, Д. Гудков, В. Говердовский, Н. Костомаров, В. Красных, А. Лосев, В. Маслова, А. Потеня и другие. С. Гатальская отмечает: “Символы – это важнейший механизм памяти культуры, они переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного слоя культуры в другой. Константные наборы символов берут на себя функцию механизмов единства” (Gatalska, 2005). Итак, символ – самый мощный из всех инструментов реализации духовных возможностей культуры. Он исполняет роль семиотического конденсатора, выстраивает систему, изоморфную генетической памяти индивида. Окружающий мир наполнен символами,

¹ Associate Professor PhD, Foreign Philology and Translation Department, Kyiv National University of Trade and Economics, Ukraine, Address: Korpus A, Vulytsya Kioto, 19, Kyiv, 02000, Ukraine, Corresponding author: zhurkovaolga@ukr.net.

которые являются определёнными эталонами в сознании человека. Основатель англо-американского прагматизма Ч. Пирс символом называет “знак, конвенционально ассоциирующийся со своим объектом” (Andreychuk, 2011). Эти знаки могут вызвать общие или отличные ассоциации у представителей разных лингвокультур и, соответственно, обладать различным эмотивным потенциалом, который и формирует устойчивый набор положительных или отрицательных ассоциаций с определённым явлением или объектом. Эти ассоциации реализуются в лингвокультурном коде, который определяется как завершённая система языковых знаков и их комбинаций, и выражаются графическим или звуковым способом, семантико-смысловое взаимодействие которых выполняет познавательную, ценностно-ориентационную и адаптационную функции (Andreychuk, 2011).

Над проблемой символа как компонента фразеологической единицы работали О. Ахманова, Л. Авксентьев, Н. Гамзюк, В. Кононенко, Е. Левченко, В. Мокиенко, В. Телия, Т. Черданцева, В. Ужченко и другие. Как отмечает В. Кононенко, свойством символа является то, что значение мотивируется, прежде всего, через фоновые знания, прагматику (Kononenko, 2008). Е. Левченко утверждает, что концепт компонента фразеологической единицы может содержать следующие составляющие:

- собственно символическое значение;
- микросимволическое значение;
- факультативное символическое значение, которое передаёт факультативный знак и, которое знак приобретает вследствие своей принадлежности к определённой тематической группе;
- контекстуальное символическое значение (Levchenko, 2005). Следовательно, специфика фразеологической символики заключается в том, что она отмечается системностью, организована по принципу иерархии и является ассиметричной относительно других символических систем.

Исследование явления символизации невозможно без привлечения внеязыковых (этнокультурных, социально-психологических, ментально-психологических) знаний. Окружающая действительность того фрагмента, который предоставлен этносу в непосредственном восприятии, выступает прочным фактором формирования национально-образных картин мира. Экстралингвистические реалии, погружённые в лингвокультурный контекст, получают эмоционально-оценочное значение и начинают выступать

образными стереотипами, архетипами, символами мировосприятия и миропонимания определенного этноса.

Контрастивное исследование демонстрирует частичное совпадение универсальных образных картин мира и психологического восприятия действительности, за счет чего подобные реалии могут получать общие ассоциации у носителей английского и украинского языков. С другой стороны, различия в особенностях ассоциативной деятельности разноэтнических языковых сознаний обуславливают специфичность ассоциативных коннотаций и уникальность национально-образных картин мира в исследуемых этносообществах.

Архаичным обществам свойственны символические системы классификаций явлений окружающего мира, которые можно свести к бинарным оппозициям. Так, общей картине мира присущи бинарные смысловые противопоставления, которые описывают основные параметры мира: *космос - хаос, небо - земля, верх - низ, огонь - вода, мужское - женское, красивое - безобразное* и тому подобные. Такие бинарные корреляции, как *хороший - плохой, правый - левый, жизнь - смерть*, являются базовыми во многих культурных ареалах, включая британскую и украинскую этнотрадиции.

Одно из важнейших мест в системе древнейших символов человечества занимает архетипный образ *огня*, который информирует об одном и том же или очень похожем значении для большинства, если не для всего человечества. Обожание огня лежит в основе мифологии древних славян и англосаксов, достигающей времен язычества. Примером этому может служить то, что кельтские племена, чтобы снискать расположение духа огня, приносили ему в жертву горсть табака, который бросали в костер со словами-заговорами: “Возьми, жги и не наноси мне вреда” (Zhayvoronok, 2006).

У древних славян огонь также издавна был объектом культа, ведь наши предки верили, что огонь является проявлением солнечного бога на земле, его посланником (вторым сыном бога Неба Сварога - Сварожичем). Существовал обычай: человека, которого подозревали в совершении преступления или нарушении закона, бросали в огонь, считая, что стихия огня не сожжёт невиновного. Отсюда – и известная присказка: *на злодієві шапка горить* (Zhayvoronok, 2006).

В индоевропейской традиции архетипный символ огня довольно противоречивый, ведь этот элемент живой стихии согревает, несет идею

жизни, света, обновления, очищения, свободы, победы, Божьей силы, но, вместе с тем – это образ страшной разрушительной силы, которая способна сжечь все вокруг, причинить боль, страдания, смерть.

В английском языке слово *fire* происходит от староанглийского *furi* и германского *fury* (влияние на формирование этимологического значения оказали старый саксонский язык, где слово звучало как *fūr*, и древний скандинавский язык – *furr*). Древнейшее, близкое к современному написанию слово *fixer* зафиксировано еще в 1200 и содержит в своей семантике содержание, которое использовалось для обозначения понятий “факел” и “горячий пепел” (Levchenko, 2005). Некоторые различия в ментальных представлениях о стихии огня уже наблюдаются во внутренней форме лексем; очевидно, эти различия и привели к формированию фразеологических единиц с различными коннотативными значениями.

Часть фразеологических единиц с архетипным компонентом “огонь” в английском и украинском языках характеризуется тождественным или сходным коннотативным значением опасности, трудности, осуждения, неодобрительного отношения: англ.: *play with fire* (грести з вогнем, наражати себе на небезпеку) (EUPD, 2006); укр.: *грести/жартувати з вогнем* (чинити необдуманно, небережно) (PDUL, 2008); англ.: *between two fires* (поміж двох небезпек) (EUPD, 2006); укр.: *між двох вогнів* (бути в небезпеці з обох сторін) (PDUL, 2008); англ.: *add fuel to the fire/flames* (підливати масло у вогонь) (EUPD, 2006); укр.: *підливати масло у вогонь* (загострювати ситуацію) (PDUL, 2008); англ.: *to go through fire and water* (пройти й огонь і воду, багато пережити) (EUPD, 2006); укр.: *пройти [крізь] вогонь і воду [і мідні труби]* (пережити багато труднощів на власному шляху) (PDUL, 2008).

Вместе с тем, большая часть фразеологических единиц имеет неповторимые коннотативные значения, отражающие существование данных фразеологизмов в каждой лингвокультуре. Так, в украинском языке функционируют фразеологические единицы, получающие коннотативные значения: страха (неодобрение) – *боятися як вогню* (дуже боятися чого-небудь) (PDUL, 2008); уничтожения (неодобрение) – *предавати вогню* (безслідно що-небудь знищувати) (PDUL, 2008); сложности жизни (неодобрение) – *з вогню (із жару) та в полум'я* (PDUL, 2008), *крізь вогонь і смерть* (PDUL, 2008); энтузиазма (одобрение) – *працювати (робити) з вогником* (працювати з енергією, запалом) (PDUL, 2008); смелости (одобрение) – *піти у вогонь і в воду заради кого-небудь* (зробити все заради когось, незважаючи на труднощі), *викликати*

вогонь на себе (PDUL, 2008); жестокости (неодобрение) – *вогнем і мечем* (з нещадною жорстокістю) (PDUL, 2008); использования результатов труда других (неодобрение) – *чужими руками вогонь загібати* (PDUL, 2008); целенаправленности (одобрение) – *шукати прометеїв вогонь* (незгасиме бажання досягати благородних цілей) (PDUL, 2008); исчезновения (неодобрение) – *як віск на вогні згоріти* (безслідно зникнути) (PDUL, 2008); устойчивости, прочности, неуязвимости (одобрение) – *у воді не тонути, у вогні не горіти* (бути непідвладним і невразливим) (PDUL, 2008).

В английском языке количество фразеологических единиц, наделённых уникальными коннотативными значениями, несколько меньше. Среди них наблюдаются следующие: любовь (одобрение) – *a fire in the blood* (вогонь у крові, горіти коханням) (EUPD, 2006); дружба (одобрение) – *get on like a house on fire* (швидко знайти спільну мову, стати приятелями) (EUPD, 2006); домашний покой и уют (одобрение) – *keep the home fires burning* (слідкувати, щоб “горіли домашні вогні”; слідкувати, щоб все йшло як зазвичай) (EUPD, 2006); энергия (одобрение) – *ball of fire* (“вогняна куля”; енергійна і запальна особа) (EUPD, 2006); неусидчивость (неодобрение) – *fire in your /the belly* (ситуація, коли комусь не сидиться на одному місці) (EUPD, 2006); острая критика (неодобрение) – *come under fire* (попасти під вогонь, бути розкритикованим) (EUPD, 2006); энтузиазм (одобрение) – *catch (take) fire* (загорітися інтересом, бажанням) (EUPD, 2006); спешка (неодобрение) – *Where’s the fire?* (надто поспішати кудись) (EUPD, 2006); страдания (неодобрение) – *fire and brimstone* (вогонь і сірка; пекельні муки) (АУФС, с. 325); трудности (неодобрение) – *jump out of the frying pan (and) into the fire* (з вогню та в полум’я) (EUPD, 2006); способности (одобрение) – *to set the Thames on fire* (зробити щось незвичайне, створити чудо) (EUPD, 2006); последняя попытка (одобрение) – *fire one’s last shot to* (зробити останню спробу) (EUPD, 2006).

Следовательно, архетипный символ огня может передавать широкий круг ассоциаций: от положительного одобрения, прославляющего его жизненную энергию, до резкого осуждения силы сокрушительного разрушения. Анализ английских и украинских фразеологизмов с архетипным символом “огонь” позволяет сделать вывод, что он играет первостепенную роль в формировании коннотативного значения, поскольку выступает в роли мотивирующего компонента семантики анализируемых фразеологизмов.

Образно-символический смысл приобретают, прежде всего, названия для обозначения явлений и предметов повседневной жизни, которые

характеризуют окружающую среду, быт, культуру, обычаи и традиции, а впрочем, и само мировоззрение, образ мышления определенного этноса. Отсюда выразительные оценочно-коннотативные наслоения, присущие большинству словесных символов. Слово-символ сохраняет общие семантические связи с прямым значением лексемы несимволического наполнения, но, в то же время, символизм придает слову семантической значимости, самостоятельности, внутренней потенциальности.

Символ отличается от образа и метафоры высшим семиотическим статусом и большей степенью обобщённости. В отличие от образа, который может быть вненациональным (универсальным), символ обнаруживает свое содержание не через перенесённое значение, а путём установления национальных, культурных и других предпосылок осмысления его ассоциативных связей (Копonenko, 2008). Отсюда следует вывод, что символика – явление глубоко национальное, понятное в пределах определенного социума, которым трудно овладеть другим этническим сообществам. Опыт, фоновые знания, обусловленные реалиями окружающей действительности (геополитическими, психологическими, историко-культурными, бытовыми факторами), подпитывают символическое значение, а постоянные ассоциации создают почву для его употребления в составе различных словесных контекстов и определяют его способность передавать глубинный смысл, становиться носителем того или иного убеждения.

В понимании символа решающая роль принадлежит смысловым, образным, оценочным факторам, которые позволяют различить символ и несимвол. К ним, прежде всего, относится наличие образного значения, которое осмысливается на основе коллективного опыта и вызывает схожие ассоциации и оценочно-эмоциональные характеристики. По словам Н. Арутюновой, “образ становится символом из-за приобретённой им функции в жизни человека (личный символ), в жизни социума, государства, религиозной или культурной общности, идейного содружества, рода и, наконец, в жизни всего человечества” (Arutiunova, 1988). Следовательно, символ обнаруживает свое содержание из-за влияния национальных, культурных, социальных, религиозных и других факторов, которые и определяют его понимание.

В основе символизации лежит анимитизм (оживление), анимизм (одушевление) и антропоморфизм (очеловечивание), поэтому источником типичных слов-символов выступает весь окружающий человека мир: животный, растительный, мир цветов, цифр, вкусов, действий и тому

подобное.

Одним из древнейших символов, изобретённых человечеством, является имя (антропоним). С его помощью в эмоционально-экспрессивном плане именуется то, что при нейтральном стиле выражения было бы обозначено посредством апеллятивов. Они обогащаются понятийными или референтными коннотациями, органично соединёнными с эмоциональностью и оценочностью, оставляя след индивидуальности, единичности в каждом общем, типичном имени.

В каждую историческую эпоху в антропонимиконе (реестре имен) той или иной культуры существовали имена, в семантике которых присутствовали определённые национально-специфические, культурно-исторические и символические коннотации. Антропонимы-символы – это имена библейских персонажей, мифологических и литературных героев, известных людей, политиков, актеров, музыкантов и т.д., наделенных яркими характерологическими чертами.

Символы, источником которых являются библейские и мифологические имена, имеют универсальную природу в исследуемых языках: *curse of the Cain* – проклятия Каина (EUPD, 2006) (символ греха братоубийства); *doubting Thomas* – Хома невірний (EUPD, 2006) (символ сомнений, колебаний, нерешительности); *the daughter of Eve* – дочка Єви (EUPD, 2006) (символ женского начала); *Juda's kiss* – поцілунок Іуди (EUPD, 2006) (символ предательства, вероломства, неожиданной подлости); *Damon and Pythias* – Дамон і Піфіаз (EUPD, 2006) (символ крепкой дружбы); *play Cupid* – вдавати з себе Амура/Купідона (EUPD, 2006) (символ любви, страсти); *Herculean labour* – геркулесова праця (EUPD, 2006) (символ тяжёлого труда, требующего много усилий); *Gordian knot* – гордіїв вузол (EUPD, 2006) (символ сложного, запутанного дела); *Achilles heel* – ахіллесова п'ята (EUPD, 2006) (символ уязвимого, слабого места любого человека) и другие. Такие фразеологические единицы объединены функцией передачи эмоциональных оттенков и высоких духовных ценностей.

Коннотативное значение английских и украинских фразеологизмов, мотивированных библейским или мифологическим антропонимом-символом, совпадает в исследуемых языках. Имея общий источник – Священное Писание, древнегреческую или древнеримскую мифологию – фразеологизмы английского и украинского языков становятся полными эквивалентами, то

есть такими, которые совпадают по грамматической структуре, лексическому составу, образности, стилистической направленности и эмоционально-оценочному значению: *валаамова ослиця – Balaam's ass* (EUPD, 2006); *старий, як Мафусаїл – (as) old as Methuselah* (EUPD, 2006), *ветхий Адам – the old Adam* (EUPD, 2006); *скриня Пандори – Pandora's box* (EUPD, 2006); *дамоклов меч – Damocle's sword* (EUPD, 2006), *геркулесові стовни – the Pillars of Hercules* (EUPD, 2006).

Об универсальности прецедентных образов свидетельствует наличие одинаковых или похожих фразеологических единиц в английском и украинском языках. Самым известным из прецедентных текстов, обращение к которому управляется лингвокогнитивными механизмами интертекстуальности, является, очевидно, Священное Писание. Поэтому неудивительно, что на его основе в различных языках появилось значительное количество фразеологических единиц с одинаковыми денотативно-сигнификативным и коннотативным значениями.

Классической прецедентной ситуацией является, например, один из самых скорбных дней в христианской культуре, прообраз которого лёг в основу фразеологической единицы *massacre (або slaughter) of innocent – побиття, винищення немовлят* (EUPD, 2006). Образ фразеологизма сопоставим с духовным кодом культуры и основан на евангельской легенде об Ироде. Царь Иудеи Ирод Великий, услышав от волхвов о рождении Христа, которого они называли Царём Иудейским, забеспокоился о своей власти. Узнав, по предсказаниям пророка, что младенец в Вифлееме, Ирод отправил волхвов найти Спасителя и рассказать ему, Ироду, о ребёнке. Волхвы нашли Иисуса, однако не вернулись к царю, чтобы не выдать местонахождение Христа. “Тогда Ирод, увидев себя, осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов” (Мф. 2:16). Образ фразеологизма мотивирован характерным для религиозного сознания прецедентом из Библии. То, что совершил Ирод, стало символом жестокости, а его имя превратилось в обобщённое название и ассоциируется с пытками и мучениями, в то время, как младенец символизирует чистоту, невинность и беззащитность. В целом фразеологизм имеет коннотативные значения “греховность”, “аморальность”, “порочность” и оценку неодобрения.

Интересным фактом является наличие дополнительного значения этого фразеологизма в английском и украинском языках. В политическом жаргоне британцев он означает “отсрочка рассмотрения законопроекта (за неимением

времени в конце парламентской сессии)” (EUPD, 2006) и имеет нейтральное коннотативное значение. Тогда, как в украинском языке он имеет значение “легкая победа или расправа над слабым противником, не способным равноправно противостоять” (PDUL, 2008) и употребляется с коннотацией пейоративности или ироничности.

Подводя итог вышеизложенному, символ является неотъемлемым компонентом фразеологической единицы. Символика – понятие общелюдское и национально-специфическое, этногенетическое. Символ как явление имеет универсальный общечеловеческий характер и, вместе с тем, выражается на уровне национального сознания народа и является его общекультурным достоянием, которое передается из поколения в поколение. Именно в символах отражаются национальные традиции, обычаи, обряды, верования, национальные черты характера, история и прочее. Словесная символика народа выступает важным фактором создания национально-культурной картины мира.

References

- Andreychuk, N. (2011). *Семіотика лінгвокультурного простору Англії кінця XV – початку XVII століття: монографія/Semiotics of Lingual and Cultural Space of England in the late XV – early XVII centuries: a Monograph*. Львів: Видавництво Львівської Політехніки, р. 280.
- Arutiunova, N. (1988). *Типи мовних значень: оцінка, подія, факт/Types of Linguistic Meanings: Assessment, Event, Fact*. Москва: Наука, р. 341.
- Gatalska, S. (2005). *Філософія культури/Philosophy of Culture*. К, pp. 37–38.
- Kononenko, V. (2008). *Українська лінгвокультурологія/Ukrainian Linguaculture*. Київ: Вища школа, р. 327.
- Levchenko, E. (2005). *Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект: монографія/Phraseological Symbolics: Lingual and Cultural Aspects: a Monograph*. – Львів: ЛРІДУ НАДУ, р. 263.
- Zhayvoronok, V. (2006). *Знаки української етнокультури: словник-довідник/Signs of Ukrainian Ethnic Culture: Dictionary-Guide*. – Київ: Довіра, р. 703.
- EUPD (2006). *Англо-український фразеологічний словник. Укл. К. Баранцев/English-Ukrainian Phraseological Dictionary. Compiler Barantsev K.* – Київ: “Знання”, КОО, р. 1056.
- PDUL (2008). *Словник фразеологізмів української мови. Відп. ред. В. Винник/Phraseological Dictionary of the Ukrainian Language. Chief Editor Vinnik V.* Київ: Наукова думка, р. 1104.